

Дарья Елкина

Лифия

18+

Дарья Елкина

Лифия

<https://litres.ru/74155234>

SelfPub; 2026

Аннотация

Священное королевство Лифия пало. Прекраснейший город мира, беломраморная Аэлория, осквернен тяжелыми сапогами и черными знаменами Ферийской империи. Природа умирает, реки пересыхают, а Великая Богиня, чьи дети-маги когда-то любили этот мир, отвернулась от своих творений, оставив им лишь легенды и пустые каменные прииски.

Глубоко в недрах горного храма, вырубленного в живой скале, прячется последняя надежда королевства — семьсот голодных солдат и их законный наследник, принц Брон ва Фарт. В его жилах течет божественная кровь, а фиолетовые глаза смотрят на мир с детской жестокостью и животным ужасом.

Сможет ли трусливый мальчик с глазами богини стать королем, или Лифия навсегда погребена под слоем пепла и чужих кишок? И какую страшную цену придется заплатить советнику Лу Кри, чтобы спасти того, кто этого не достоин?

Содержание

Опальный принц.	4
Голод.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дарья Елкина

Лифия

Опальный принц.

Храм Великой богини в Лифии был огромен, холоден и пропитан запахом вековой пыли и чужого страха. Когда-то здесь пели хоры, а воздух был густым от благовоний. Теперь высокие, уходящие в непроглядную тьму своды давили на душу. Массивные каменные колонны, покрытые резьбой в виде переплетенных лоз, стояли как безмолвные стражи. Единственный свет пробивался через узкие витражные окна-бойницы, окрашивая пыльный пол в болезненные цвета: багровый, грязно-желтый, тускло-синий. На главном алтаре, где когда-то возвышалась статуя Богини с весами в руках, теперь лежали грязные карты и ржавые подсвечники. В глубине храма, в тених, сидели и лежали семь сотен солдат. Они не шумели, были слишком голодны, чтобы тратить силы на разговоры. Принц Брон ва Фарт сидел на единственном уцелевшем бархатном кресле, которое его слуги притащили из глубин храма. Он был неестественно, почти кукольно красив. Его лицо с идеальными, точеными чертами было бледным, а густые, иссиня-черные волосы падали на лоб, обрам-

ляя широкие, яркие фиолетовые глаза. Но эта красота казалась чужеродной в этом грязном месте, потому что выражение лица принца было искажено животным ужасом и мелочной злобой. Брон был одет в когда-то роскошный камзол из темно-зеленого бархата, расшитый серебряными нитями. Теперь бархат был порван на плече, покрыт бурыми пятнами засохшей грязи и вина, а тяжелая золотая пряжка на поясе тускло поблескивала, цепляясь за грязь. На его тонких, ухоженных пальцах красовались массивные кольца, которые он нервно крутил, стуча друг о друга с глухим звоном. Перед ним, сложив руки в рукавах простого серого кафтана, стоял главный советник Лу Кри. Лицо Лу было обычным, невыразительным, но узкие серые глаза смотрели на принца спокойно и внимательно, словно он оценивал не своего государя, а сломанный механизм.

— Я сказал нет, Лу, — голос Брона сорвался на высокий, визгливый фальцет. Он дернулся в кресле, его фиолетовые глаза расширились. — Никаких вылазок. Двери храма закрыты на засовы. Никто не выйдет наружу.

— Мой принц, — тихо начал советник, не меняя позы. — В бочках нет ни крошки муки. Мясо кончилось вчера. Солдаты варят кожаные ремни и жуют кору

. — Это их проблемы! — взвизгнул Брон, вскакивая. Кресло со скрипом откатилось назад. — Они присягнули мне и обязаны меня защищать! Если они голодны, пусть жрут свои языки, но они не выйдут из храма. Там, снаружи, враги. Если

я открою ворота, их перебьют. А кто тогда будет защищать меня, а? Ты?

— Я советник, мой принц, а не щитоносец, — ровным тоном ответил Лу. — Но если солдаты не будут есть, они не смогут держать мечи. Голодный человек слаб. Слабый человек мертв.

— Пусть умрут за меня! Но не рискуют собой из-за ерунды— Брон в ярости пнул ногой каменный плитус, тут же скорчившись от боли и схватившись за ногу. — Пусть сдохнут на полу этого проклятого храма! Мне плевать на их судьбу, как и плевать на судьбу этой дыры. Я должен вернуть свой трон. А его мне не вернуть, если я сгнию здесь вместе с ними. Я не буду рисковать своей гвардией. Понял?

Лу Кри медленно моргнул. Он не стал говорить о чести, о долге перед королевством или о страдающем народе. Он знал, что Брон ва Фарт не поймет этих слов. Советник сделал шаг вперед.

— Вы не рискуете ими, принц, а убиваете, — сказал Лу просто. — Прямо здесь.

— Я их прячу! — огрызнулся Брон, его красивое лицо покрылось красными пятнами. — Я сохраняю их для решающего удара!

— Вы сохраняете их для того, чтобы они стояли у дверей и не давали врагу войти, пока вы спите, — поправил его советник. — Но голод сильнее страха, принц. Через два дня они начнут буяннить. Через три дня они решат, что вы пряче-

те еду где-то в крипте. Возможно будет восстание. Вы этого хотите?

Брон побледнел. Его глаза метнулись по темным углам храма, словно он уже видел, как его голодные солдаты точат ножи.

— Они не посмеют! — прошипел он, но в голосе уже не было уверенности, только истерика. — Я казню их и прикажу капитану повесить каждого десятого!

— Вы не сможете повесить человека, который просто просит от вас пищи, да и трон вернуть вам помогут лишь они, — холодно парировал Лу Кри. — К тому же, крики повешенных привлекут патруль. Они найдут нас.

Брон закусил губу до крови. Он тяжело дышал, его грудь часто вздымалась под грязным бархатом. Он ненавидел Лу Кри за то, что тот всегда был прав, но еще больше он ненавидел мысль о том, что его собственные люди могут причинить ему боль.

— Что ты предлагаешь? — буркнул принц, снова падая в кресло и начиная нервно крутить кольца. — Вывести их всех в поле? Пусть враг перережет их, как овец, пока они ищут репу?

— Я предлагаю не рисковать всеми, а использовать часть, — сказал Лу. — Нам нужно всего три дня, чтобы подошли подкрепления из Пепельной границы.

— И чем мы их прокормим три дня? — Брон ткнул пальцем в грудь советника. — Камнями?

— В трех милях отсюда, у старой мельницы, стоит обоз противника. Пять повозок с сухарями и соленым мясом. Охрана — десять человек, они спят ночью, сменяясь по двое, — Лу Кри говорил так, словно читал список покупок. — Мы отправим пятнадцать лучших лазутчиков. Они вырежут часовых, заберут еду и вернуться до рассвета.

Брон прищурил свои неестественно яркие глаза. Жестокость, присущая ему, на мгновение вытеснила страх.

— Пятнадцать человек, — переспросил он. — А если их поймают? Если они заговорят и расскажут, где я прячусь?

— Они не заговорят, — спокойно ответил Лу. — С ними пойдет Золок. Если лазутчики дрогнут или решат сбежать, генерал с ними разберется.

Брон посмотрел на советника. В его взгляде не было ни капли сострадания к тем пятнадцати, которых отправляли в темноту, ни к генералу, который должен был убить своих же бойцов. Его волновал только собственный желудок и собственная безопасность.

— А если на обозе больше охраны? — упрямо спросил принц, цепляясь за любую возможность ничего не делать.

— Тогда наши люди убьют их лошадей, перевернут повозки и отступят. Но еда нам нужна, Брон.

Лу Кри впервые за весь разговор позволил себе не назвать его «мой принц». Это прозвучало тихо, но в пустом храме как удар хлыста. Брон вздрогнул и злобно оскалился, обнажив ровные белые зубы.

— Хорошо, — сплюнул принц, вытирая рот рукавом своего дорогого, но грязного камзола. — Пусть Золок берет своих пятнадцать собак. Скажи им, что если они не принесут мясо, я сожгу их жен и детей на костре.

— Я передам им ваши слова, мой принц, — Лу Кри слегка склонил голову, скрывая усмешку. Советник развернулся и бесшумно направился к выходу, его серая фигура быстро растворилась в полумраке между каменными колоннами.

Брон ва Фарт остался сидеть один. Он снова начал стучать кольцами, его фиолетовые глаза смотрели в пустоту. Ему было все равно, что пятнадцать человек сейчас пойдут на верную смерть в холодной грязи. Ему было все равно, что где-то за стенами храма горят деревни. Он просто знал, что сегодня вечером ему дадут кусок соленой свинины, и он сможет уснуть, зная, что его двери по-прежнему заперты.

Храм Великой богини был вырублен прямо в теле древней скалы, нависающей над долиной Лифии. Издали, с равнины, было видно лишь его величественное лицо — широкий портал, обрамленный высеченными в камне арками, и три огромных окна-розетки, вырезанные в форме переплетенных лунных серпов. Стены храма сливались с природным камнем утеса, создавая иллюзию, что само горное чрево породило это святилище. Внутри храм представлял собой единый зал длиной в триста шагов и шириной в семьдесят. Потолок, высеченный в форме опрокинутой чаши, уходил ввысь на добрых тридцать метров, теряясь в сумраке.

Воздух здесь был неподвижен и прохладен, пах старым камнем, пылью веков и чем-то неуловимо священным — то ли остатками благовоний, сожженных столетия назад, то ли самой сущностью богини, что, по преданию, вдохнула жизнь в эту страну. Но главными хранителями храма были его колонны. Их было двенадцать — по шесть с каждой стороны центрального нефа. Каждая колонна представляла собой монолит, вырубленный из цельной скалы вместе с полом и потолком. Они не были приставлены или возведены — они были частью самого храма. Колонны возвышались на добрых пятнадцать метров, их диаметр у основания достигал трех метров, кверху они плавно сужались, словно стволы древних деревьев-исполинов. Поверхность камня не была гладкой — мастера, трудившиеся здесь столетия назад, оставили на ней сложную резьбу. Спиральные узоры, напоминающие переплетенные корни и ветви мирового дерева, обвивали каждую колонну снизу доверху. Между спиралями были высечены лики богини — то юной и светлой, то суровой и темной, то старой и мудрой. Каждое лицо было разным, и если долго смотреть на них при мерцающем свете факелов, казалось, что каменные черты медленно меняются. У основания каждой колонны камень был отполирован до зеркального блеска тысячами ног паломников, что приходили сюда молиться. Выше, на уровне человеческого роста, резьба становилась глубже и сложнее — там были изображены сцены из древних мифов: богиня, дарующая огонь людям; боги-

ня, карающая клятвопреступников; богиня, оплакивающая своих детей. Камень колонн был особого сорта — серо-голубой гранит с вкраплениями белого кварца. Днем, когда редкие лучи солнца пробивались через высокие окна-бойницы, эти вкрапления вспыхивали тысячами крошечных искр, и колонны казались живыми, дышащими существами, в чьих жилах течет не кровь, а звездная пыль. В ночное время, когда в храме зажигали факелы, тени от резьбы плясали на стенах и потолке, создавая иллюзию движения. Казалось, что узоры ползут вверх по колоннам, что лики богини поворачиваются, следя за каждым, кто осмелился нарушить покой святилища. Между колоннами и стеной оставалось пространство — достаточно широкое, чтобы там могли укрыться люди. Именно эти ниши сейчас служили убежищем для солдат Брона. Они развели в специальных каменных очагах, вырубленных у подножия колонн, небольшие костры, но дым поднимался вверх и рассеивался под потолком, не оставляя следов на древнем камне. Колонны хранили тепло этих костров, и камень медленно отдавал его обратно, создавая в храме особый микроклимат — не слишком холодный и не слишком жаркий. Это было последнее милосердие богини к тем, кто ранил ее. В самом конце зала, за последней парой колонн, находился алтарь — массивная каменная плита, на которой когда-то приносили дары. Теперь на ней лежали оружие и остатки скудной еды. Но даже сейчас, в этом запустении, храм не потерял своей сакральной силы. Он был

оплотом богини, и пока стояли эти колонны, вырубленные из живой скалы, пока узоры на них ловили свет и отбрасывали тени, храм оставался местом силы — равнодушным к людским войнам, но вечным в своем немом величии. Тяжелые дубовые двери, обитые истлевшим железом, захлопнулись за спиной принца, отрезая его от гулкого зала и взглядов голодных солдат. Брон ва Фарт даже не оглянулся. Он быстрым, нервным шагом направился вглубь храма, к узкой винтовой лестнице, вырубленной в толще скалы. Его личные покои находились в самом чреве горы, под алтарем Великой богини. Когда-то это была келья верховного жреца, но теперь она служила спальней для изгнанного наследника. Брон толкнул низкую дверь и вошел внутрь. Воздух здесь был спертым, пахло сырой землей, затхлым бархатом и его собственным кислым страхом. Комната была тесной и давящей. В углу стояла широкая, но низкая кровать с пологом из выцветшего, когда-то малинового, а теперь грязно-бурого шелка. Матрас был набит старой соломой, которая давно слежалась и превратилась в жесткий ком. У противоположной стены, там, где камень стены был наиболее сухим, громоздился массивный письменный стол из темного дуба, покрытый глубокими царапинами и темными пятнами. Но больше всего в этой комнате Брон любил и ненавидел одно место — трельяж у стены. Принц подошел к зеркалу. Оно было старым, серебряным, с потускневшей амальгамой по краям, из-за чего его отражение казалось немного призрачным, затянутым дым-

кой. Брон провел бледным пальцем по стеклу, стирая пыль. В зеркале на него смотрело лицо, которое он считал божественным. Идеальный овал, высокие скулы, словно нарисованные губы. Иссиня-черные, тяжелые волосы красиво обрамляли это лицо, падая на лоб. Но главными были глаза — огромные, неестественно яркие фиолетовые глаза, в которых сейчас плясали лихорадочные, безумные огоньки.

— Я прекрасен, — прошептал он своему отражению, и его голос дрогнул. — Я кровь первых королей. Как они посмели?

Он отвел взгляд от зеркала и посмотрел на стол. Там, на потрескавшейся древесине, лежала она. Корона Лифии. Она не была похожа на те легкие, изящные обручи, что носили южные короли. Корона Лифии была выкована из черного, вороненого железа и выглядела как переплетение острых, жестоких шипов. Внутри шипов, словно капли застывшей крови, были закреплены крупные, темные рубины. Корона была тяжелой, холодной и неудобной — она всегда оставляла синяки на лбу, напоминая, что власть требует боли. Сейчас, в тусклом свете единственной сальной свечи, она казалась мертвой. Один из железных шипов на затылке был слегка погнут — Брон уронил ее в грязь, когда в панике бежал из дворца в ночь переворота. Он ненавидел этот погнутый шип. Каждый раз, глядя на него, он чувствовал, как по спине ползет липкий холод унижения. Брон тяжело опустился на жесткий деревянный стул перед столом. Его пальцы снова начали нервно перебирать кольца. В его голове, как стая испу-

ганных летучих мыей, закружились мысли. Желудок предательски урчал, сводя спазмом кишки. Брон зло поморщился. Он ненавидел голод. Голод делал его слабым, делал его похожим на тех простолюдинов, которых он презирал. «Они обязаны вернуть мне трон. А если не вернут, я сожгу их жен. Нет, сначала я сожгу их самих. Пусть знают, что со мной шутки плохи». Он сглотнул, чувствуя во рту вкус меди и сам не верил в то, что сделает это. У него не было палачей, не было времени на костры. Но сама мысль о том, как он приказывает казнить семьи солдат, давала ему иллюзию контроля. Иллюзию того, что он все еще король. Его взгляд скользнул на погнутый шип короны, и мысли перескочили на Лу Кри. «Советник — Брон скрипнул зубами. — Он смотрит на меня так, словно я — сломанная повозка, которую он чинит из вежливости. Мой принц, — передразнил он про себя ровный голос советника. — Он слишком умен. Слишком спокоен». Брон вцепился пальцами в края стола, так что костяшки побелели. Холодный пот выступил на лбу принца. Глаза расширились от внезапной, иррациональной паранойи. «Лу может сдать меня врагу. Через своего человека. В обмен на свою жизнь и место в новом совете. Лу Кри расчетлив. Ему все равно, кто сидит на троне, лишь бы выжить. Он отправит моих пятнадцать лазутчиков на смерть, а сам тем временем договорится с врагом». Брон тяжело задышал. Ему вдруг показалось, что за тонкой каменной стеной кто-то стоит и подслушивает. Он резко обернулся. В тени угла, у старой кро-

вати, было пусто. Только плясали длинные, уродливые тени от свечи. «Нет. Нет, он не посмеет. Я ему нужен. Пока я жив, я — законный претендент». Он судорожно выдохнул и снова посмотрел на корону. Протянул дрожащую руку и коснулся холодного железа. Острый шип царапнул палец. На черном металле выступила крошечная, ярко-алая капля крови. Брон посмотрел на свою кровь, и истерика внутри него вдруг сменилась холодной, жестокой решимостью. «Я верну себе трон, — подумал он, и на его красивом лице появилась уродливая, кривая усмешка. — Я верну его, и тогда я устрою пир на костях. Я сожгу эту долину дотла и заставлю их всех, каждого мужика и каждую бабу, ползать передо мной на коленях. И Лу Кри будет ползать первым. А пока пока мне нужна безопасность». Он убрал руку от короны, облизнул капельку крови с пальца. Брон ва Фарт поправил волосы, выпрямил спину, словно на нем уже была горностаевая мантия, и остался сидеть в темной каменной келье, слушая, как где-то наверху, в храме, капает вода.

Голод.

Вечер в храме Великой не наступал — он просто сгущался, заполняя высокие своды густыми, холодными сумерками. В главном зале, у подножия одной из двенадцати гигантских колонн, был сколочен грубый деревянный стол. За ним сидел главный советник. При тусклом свете жировой лампы его лицо казалось еще более острым и хищным. Советник был невысок и сухощав, но в его жилистой фигуре не было никакой хрупкости — скорее, он напоминал натянутую тетиву или стальную пружину. Его волосы, когда-то темные, теперь были почти полностью седыми и коротко острижены. Кожа на лице была смуглой, покрытой мелкой сеткой морщин вокруг глаз и тонких, плотно сжатых губ. Глаза — серые, холодные и неподвижные, как галька на дне горной реки. Они никогда не моргали чаще, чем было нужно, и всегда смотрели так, словно взвешивали каждого человека на невидимых весах, прикидывая его полезность и цену. На указательном пальце правой руки мозолисто блестел нарост от вечного держания пера. Лу не смотрел в свои пергаменты. Его взгляд был обращен в зал. У редких костров, разведенных в каменных чашах у стен, сидели и лежали солдаты. Они были голодны. Этот голод был не просто отсутствием еды — он был живым, злым существом, которое грызло их изнутри. Солдаты

точили ножи, чинили сбрую и молча смотрели на тяжелые дубовые двери, за которыми в подземной келье прятался их принц. Они ненавидели Брона и видели, как он трусил, когда Ферия захватывала столицу. Они слышали его истеричные крики и видели, как он бил слуг за криво поданное вино, пока вокруг горели их дома. Но они боялись его еще больше. Брон был вспыльчив, жесток и совершенно непредсказуем. В его безумном, взгляде читалась готовность в любой момент приказать повесить половину гвардии просто потому, что ему не понравилось, как они смотрят. И солдаты покорно жрали кору и варили ремни, потому что страх перед садистом-принцем пока перевешивал страх перед голодной смертью. Советник перевел взгляд на стол. Перед ним лежал раскрытый сургучный тубус. Небольшой, запечатанный черным воском сверток. Послание из столицы. Лу Кри пробежал глазами короткие, торопливые строки. Его лицо не изменилось ни на йоту, но он медленно, свернул пергамент и спрятал его в рукав своего кафтана. Новости были не из тех, что можно обсуждать при ушах голодных солдат. Тяжелые, гулкие шаги по каменному полу заставили его поднять голову. К столу приближались четверо. Это были генералы — то, что осталось от высшего командования королевской армии Лифии. Первыми шли братья Ирен и Марен Несс тридцати трех лет. Кровные близнецы, они были похожи как две капли воды, и обе эти капли были ядовитыми. Широкоплечие, медлительные в движениях, с

лицами, покрытыми глубокими шрамами. Ирен, старший на три минуты, был громче и грубее; его левый глаз был затянут белесым бельмом. Марен был молчалив, но именно он считался более опасным, потому что никогда не думал о других во время боя. Оба носили одинаковые черные плащи, застегнутые на тяжелые серебряные фибулы в виде волчьих голов. За ними, опираясь на простую деревянную посохину, шел Маркус. Старейший генерал Лифии. Ему было за шестьдесят, его седая борода была нестрижена, а левая нога чуть прихрамывала — память о копье врага, полученном сорок лет назад. Но спина его была прямая, а тяжелый, опытный взгляд видел то, что другие не замечали. Замыкал шествие Арен. Ему было всего двадцать восемь, и он был самым молодым из генералов. Худощавый, жилистый, с горячими, темными глазами и вечно нахмуренными бровями. Он держал руку на рукояти меча не из привычки, а из внутреннего напряжения. Маркус относился к нему не как к подчиненному, а как к сыну, которого у него никогда не было, и часто одергивал парня, когда тот был слишком горяч. Генералы остановились у стола. Ирен Несс тяжело выдохнул, пахнув кислым перегаром и потом. — Ну что, советник? — бас Ирена был хриплым. — Золок вернулся? — Золок ушел всего два часа назад, генерал, — ровным, спокойным тоном ответил Лу Кри, складывая руки на столе. — Мельница в трех милях. Ему нужно время, чтобы снять часовых, погрузить мешки и вернуться

обратно в темноте. Если наши разведчики будут неподалеку и помогут отряду, генерал вернется быстрее. — Мои люди не дождутся, — буркнул Марен своим тихим, скрипучим голосом. — В третьем отряде двое уже дрались из-за дохлой крысы. Если Золок не принесет мясо к рассвету, будет бунт.— Нет, не будет, — сказал Лу.Арен фыркнул, не выдержав.— Дайте угадаю, принц приказал повесить семьи солдат? Советник, ты сам слышишь, что говоришь? Наш принц сейчас сидит в подвале, дрожит от каждого шороха и обнимает свою кривую корону. Солдаты это видят. Они знают, что он прячется за нашими спинами.— Арен, — тихо, но твердо сказал Маркус. Старик даже не повысил голос, но молодой генерал сразу замолк, опустив глаза. — Следи за языком. Он — наше знамя.— Знамя, которое боится ветра, старик, — огрызнулся Арен, но уже тише. — Я просто говорю то, что думают все. Они его не любят. Ирен Несс хмыкнул, поправляя перевязь меча.— Парень прав, Маркус. Хоть и молод еще. Солдаты терпят Брона, потому что боятся его истерик. Но голод сильнее страха. Если мы не накормим их, они убьют его сами. И правильно сделают.Лу Кри медленно обвел взглядом четверых мужчин. Он не стал их одергивать и читать лекции о божественном праве королей. Он был практиком.— Вы правы, генералы, — сказал советник. — Принц невыносим. Но он — закон. Если Брон умрет, Ферия объявит нас просто бандой разбойников. И тогда наемники, которых мы ждем

с севера, не помогут нам. Они уйдут к тому, кто платит. Нам нужен Брон ва Фарт живым.— А что со столицей? — спросил Маркус, опираясь обеими руками на посох. — Ты ждал вестей из Аэлории. Лу Кри на мгновение задержал взгляд на старике. Маркус был единственным, кто умел читать его мысли.— Вести есть, — сказал Лу Кри. — Лорд Вейн из Аэлории согласился открыть северные ворота для наших шпионов, в столице будет больше наших людей. Арен радостно вскинул голову, но Лу Кри тут же остудил его.— Но, — продолжил советник, — Вейн запросил за это три тысячи золотых. Иначе он оставит ворота запертыми, а тех шпионов, которые уже там велит разогнать. В зале повисла тяжелая тишина. Слышно было только, как трещит сухая смола в одном из дальних костров.— Три тысячи, — тихо повторил Марен Несс. — У нас в казне осталось триста. И те — серебряная монета.— Я знаю, — кивнул советник. — Поэтому у нас есть проблема. Нам нужно не просто выжить, а найти три тысячи золотых за десять дней. Ирен Несс сплюнул на каменный пол.— Где мы возьмем золото в этой дыре? Обобрать храмовые чаши? Они из олова.— Мы найдем золото, — сказал Лу. Его серые глаза сузились. — Но сначала нам нужно дожить до завтра. Золок должен принести еду. Это успокоит солдат. Советник посмотрел на тяжелые дубовые двери, за которыми скрывался принц. — Потом нам придется решить, чем именно принц Брон будет платить за свою корону. У его отца, покойного

короля, были личные тайники. Брон о них не знает, он был слишком молод и слишком глуп, когда король их создавал. Но я знаю. Маркус внимательно посмотрел на советника.— Ты хочешь обокрасть собственного короля, Лу?— Я хочу спасти королевство, Маркус, — мягко ответил советник. — А для этого мне нужно, чтобы мой король был сыт, одет и, по возможности, не лез на рожон. Арен усмехнулся, в его улыбке не было злости.— Ты хитрый. Впрочем этого от тебя и следовало ожидать. — Я просто думаю, генерал Арен, — Лу Кри снова взял в руки перо. — А теперь идите к своим людям. Скажите, что еда будет, и мы готовим контрудар. Дайте им надежду. Надежда, подкрепленная обещанием мяса, держит людей в строю лучше, чем страх. Генералы кивнули. Братья Несс развернулись и тяжелыми шагами пошли обратно в зал, к своим кострам. Маркус задержался на секунду, посмотрел на Лу Кри и тихо сказал:— Если ты ошибаешься насчет тайников, Лу нам конец.— Я не ошибаюсь, старик, — не поднимая глаз от пергамента, ответил советник. — Идите. Когда генералы разошлись, Лу Кри снова остался один в полумраке гигантского зала. Он достал из рукава письмо из Аэлории и снова пробежал его глазами. На самом деле, лорд Вейн просил не три тысячи. Он просил пять. И это было только начало. Лу Кри аккуратно положил пергамент на стол, посмотрел на спящих у стен солдат, а затем перевел взгляд на потолок храма, теряющийся в темноте. Три дня,

— подумал он. — У меня есть три дня, чтобы найти золото, накормить армию и не дать этому красивому, гнилому принцу испортить всё своими капризами. Советник вздохнул, обмакнул перо в чернильницу и продолжил писать. Прошли часы. Советник сидел в полумраке храма, но его разум был далеко отсюда. В его руках лежал очередной сверток от шпиона, и, глядя на грубые каракули донесения, советник мысленно переносился туда, где сейчас горели костры Ферии. В столицу Лифии. В Аэлорию. Аэлория не была просто городом. Она была воплощением того, ради чего вообще стоило жить. Это был прекраснейший город мира, жемчужина, не имевшая аналогов ни на севере, ни на юге. По легенде, которую шептали паломники у стен этого самого горного храма, Аэлорию не строили каменщики и зодчие. Саму Великую, спустившуюся с небес в пору юности мира, так восхитила долина между трех рек, что она вырезала город из цельного куска лунного камня и выдохнула в его улицы дыхание вечности. И это не казалось выдумкой, когда ты видел Аэлорию. Город был соткан из белоснежного мрамора и золота. Его храмы, устремленные в небо острыми, изящными шпилями, ловили первый и последний свет каждого дня. Улицы были вымощены полированным камнем, который в дождь превращался в зеркало, отражающее своды небес. Но главным богатством Аэлории были не дворцы. Это было место духовного средоточия мира. В ее недрах

хранилась Великая Библиотека — лабиринт из сотен залов, где на полках из красного дерева дремали знания тысячелетий. Там лежали трактаты первых магов, карты звездного неба, начерченные слепыми астрономами, и стихи, способные заставить плакать камни. В Аэлории царила тишина, пропитанная мудростью, а воздух пах ладаном, старым пергаментом и цветущим жасмином. Город, который учил, вдохновлял и исцелял. Самый почитаемый, самый священный центр Лифии. А теперь там сидела Ферия. Лу Кри медленно перечитывал строки донесения. Ферийцы — тяжелая, жестокая империя железа и крови — захватили Аэлорию шесть месяцев назад. Они не поняли ценности того, что взяли. Для варваров с севера мрамор был просто камнем, а древние свитки — дровами. Шпион писал, что ферийские конюхи теперь поят своих тяжелых, потных жеребцов из священных купелей в нижнем храме. В залах Великой Библиотеки ферийские легионеры разжигали костры, чтобы согреться, и жарили на древних, инкрустированных рунами столах куски конины. Дым копоти въелся в белоснежные своды, оставив на них уродливые, жирные черные подтеки. Статуи первых королей и святых были изуродованы: ферийцы сбивали мраморные лица молотами, а на пьедесталы вешали свои грязные, пропитанные кровью знамена. Священный город, колыбель духа и разума, теперь задыхался в смраде пота, железа и гниющей плоти. Ферийский король, грубый и

тупой сидел на Тронном столе, вырезанном из единой оливковой ветви, и рубил на нем мясо своим кривым кинжалом, оставляя глубокие царапины на священном дереве. Лу закрыл глаза. Его раздражало это. Раздражало до тошноты, до холодной, звенящей боли в висках. Но это было не просто патриотическое возмущение или религиозный трепет. Лу Кри был прагматиком, и его бесило не столько кошунство, сколько хаос. Аэлория была идеальным механизмом, выверенной гармонией. А ферийцы были ржавчиной, которая пожирала шестерни. Они ломали то, чего не понимали и превращали совершенную шахматную доску в щепки. Это оскорбляло его разум, чувство порядка и красоты, которое он тщательно прятал за маской циника. Но если бы кто-то сейчас посмотрел на лицо советника, он бы не увидел ничего. Лицо Лу Кри оставалось неподвижным, словно высеченным из того же холодного гранита, что и колонны храма вокруг него. Ни один мускул не дрогнул. Ни одна тень не прошла по его серым, как речная галька, глазам. Он не сжал кулаков, не стиснул зубы, не позволил себе даже тяжелого вздоха. Эмоции были роскошью, которую он не мог себе позволить. Гнев делал руки дрожащими, а дрожащие руки не могли точно наносить удары. Он аккуратно сложил пергамент со шпионским донесением, запечатал его в сургуч и положил на край стола. Они оскверняют город, — бесстрастно подумал Лу Кри, убирая руки в рукава серого кафтана. — Они думают, что

захватили сердце Лифии. Глупцы. Лу взял новое, чистое перо, обмакнул его в чернильницу и притянул к себе лист пергамента. Ему нужно было написать лорду Вейну и найти деньги. Ему нужно было превратить эту горстку голодных, напуганных людей в острие, которое войдет в мягкое, сытое брюхо ферийского зверя прямо в его священной берлоге. Советник начал писать. Его почерк был ровным, острым и безупречным. Ни одной кляксы. Ни одной ошибки. Как и на его лице. Тяжелый, липкий сон сомкнулся вокруг принца, как только его голова коснулась жесткой, набитой старой соломой подушки. Сначала пришел запах. Горячий, живой, почти осязаемый аромат свежее испеченного хлеба. Он был таким реальным, что у Брона во сне потекли слюнки, а желудок свело сладким спазмом. Он открыл глаза — и увидел нижние кухни Элейма. Дворец Элейм в Аэлории был прекрасен даже в своих недрах. Кухни, скрытые глубоко под землей, были выложены белым мрамором, чтобы сохранять прохладу. Высокие своды, украшенные резьбой в виде виноградных лоз, уходили в полумрак. Воздух здесь был густым от жара огромных печей, в которых пеклись сотни буханок для королевского двора. Повара в белых фартуках сновали между столами, месили тесто, вынимали из печей золотистые, дымящиеся караваи. И по центру этого хлебного рая, босиком, в грязной, засаленной рубахе, шел маленький мальчик. Ему было лет семь. Его лицо было перепачкано мукой и сажей, темные волосы слиплись от пота. В руках

он сжимал деревянную лопату для хлеба, которая была почти выше его самого. Это был поваренок. Он шел, прижимая к груди горячую буханку, которую, видимо, взял, чтобы утолить свой голод. Его глаза были широко раскрыты от страха, он оглядывался, ожидая, что вот-вот кто-то схватит его и отшлепает. Брон смотрел на него сверху вниз — он был выше, он был чист, он был принцем. И тут из-за мраморной колонны вышел другой мальчик. Тоже семи лет. Но этот был одет в шелковый камзол цвета темного изумруда, расшитый серебряной нитью. Его иссиня-черные волосы были аккуратно уложены, а фиолетовые глаза горели холодным, жестоким огнем. Это был маленький Брон. Маленький принц остановился посреди кухни. Повара замерли, опустили руки. Они знали, что будет дальше. Они отводили глаза. Маленький принц медленно подошел к поваренку. Он был на голову выше грязного мальчика. Он посмотрел на буханку хлеба, которую тот прижимал к груди, и усмехнулся. — Ты думаешь, что можешь есть это? — голос маленького Брона был тихим и звонким, как хрустальный колокольчик. — Ты думаешь, что можешь воровать мою еду? Поваренок замотал головой, его глаза наполнились слезами. Он попытался отступить, но уперся спиной в горячую печь. — Я мне разрешили, правда, мой принц, — прошептал он, и его голос дрогнул. Маленький Брон наклонился ближе. Его глаза были огромными, бездонными и пустыми. — Ты голоден? Голод — это для собак, —

сказал он. — А ты кто? Ты даже не собака. Ты — грязь. Ты — ничто. И маленький принц выхватил буханку из рук поваренка. Хлеб был горячим, от него шел пар. Маленький Брон посмотрел на него, а затем, с холодной жестокостью, которая не вязалась с его ангельским лицом, швырнул буханку на каменный пол. Хлеб упал в лужу грязной воды, которая скопилась у ног поваренка. Золотистая корочка мгновенно покрылась серой слизью. Поваренок всхлипнул. Он посмотрел на хлеб, а затем на маленького принца, и в его взгляде было столько боли и отчаяния, что это было невыносимо. — Плачь, — сказал маленький Брон. — Плачь, грязь. Это все, что ты умеешь. И он ударил поваренка. Не кулаком — он был слишком брезглив для этого. Он ударил его тяжелой, серебряной пряжкой своего пояса, прямо по лицу. Маленький поваренок упал на колени, из его носа хлынула кровь, капая на грязный хлеб у его ног. Маленький Брон посмотрел на него сверху вниз, и на его красивом лице не было ни капли жалости. Только холодное, презрительное удовлетворение. — Запомни, — сказал он. — Ты — ничто. И всегда будешь ничем. Поваренок поднял глаза. И в этот момент Брон увидел его лицо. Это было не лицо ребенка. Это было его собственное лицо. Лицо Брона ва Фарта. Но искаженное болью, унижением и ненавистью. И в этих глазах, полных слез и крови, было столько обещания мести, что Брон закричал. Он закричал во сне, но звук не вырвался из его горла. Он захлебнулся этим криком,

запахом хлеба и крови, захлебнулся видом собственного маленького лица, смотрящего на него с пола кухни Элейма. И проснулся. Наследник рывком сел на кровати, его грудь ходила ходуном, словно он бежал через весь храм. Его руки тряслись так сильно, что он не мог сжать их в кулаки. Холодный, липкий пот промочил его рубашку, и теперь он мерз — мерз так, что зубы стучали друг о друга. Он сидел в темноте своей каменной кельи, под храмом, и дрожал. — Нет, — прошептал он в пустоту. — Нет, нет, нет. Но образ не уходил. Маленький поваренок с его собственным лицом. Буханка хлеба в грязной воде. Кровь на мраморном полу. Брон обхватил голову руками и закачался из стороны в сторону. Ему было страшно. Не от кошмара и не от Ферийцев. Ему было страшно от самого себя. Он помнил тот день, как ударил того мальчика, а тот плакал. И он помнил, как ему понравилось чувствовать власть над кем-то, кто был слабее. Понравилось видеть, как чужая боль делает его сильнее. — Я был ребенком, — прошептал Брон, и его голос сорвался на визг. Брон медленно опустил руки и посмотрел в темноту. Где-то на столе, в тусклом свете догорающей свечи, лежала его корона. Тяжелая, холодная, с погнутым шипом. Он встал с кровати. Его ноги дрожали, но он заставил себя идти. Он подошел к столу и протянул руку к короне. Его пальцы коснулись холодного железа. — Я верну трон, — прошептал он. — Я верну его, и тогда никто не посмеет смотреть на меня так, как тот мальчик.

Он сжал корону в руках, и острый шип снова царапнул его ладонь. На этот раз Брон не облизал кровь. Он просто смотрел на нее, на свою собственную кровь, стекающую по черному железу. Он вернет себе трон. Не ради Лифии и народа. А ради того, чтобы никто, никогда больше не мог бросить его самого в грязь. Брон и Фарт медленно вернулись к кровати и лег, не раздеваясь. Он не спал до рассвета. Он лежал в темноте, слушая, как капает вода где-то в глубине скалы, и ждал, когда придет Лу Кри с новостями о еде. Гнев Брона и Фарта после кошмара был тихим и холодным. Он не кричал и не бил посуду. Он просто сидел в своей каменной келье, стиснув зубы так, что скулы ходили ходуном, и его глаза горели лихорадочным, безумным огнем. Он ненавидел этот сон и маленького поваренка. Ненавидел себя. И эта ненависть требовала выхода. Но пока принц варился в своей ярости под храмом, в главном зале произошло событие, которое заставило даже Лу оторваться от своих пергаментов. Тяжелые дубовые двери храма со скрипом отворились, и в проеме появилась фигура, заслонившая собой тусклый вечерний свет. Генерал Золок Орос вернулся. Он был пятым генералом Лифии, и самым страшным из них. Золоку было тридцать два года, но выглядел он старше — война и горе оставили на нем свой отпечаток. Он потерял жену при штурме Аэлории. Ферийцы не пощадили ее, когда ворвались в город. С тех пор в его глазах поселилась пустота, которая пугала даже

его собственных солдат. Золок был невероятно огромен. Он возвышался над обычными людьми, как башня над хижиной. Его плечи были так широки, что ему приходилось наклоняться, чтобы пройти в дверные проемы. Грудь его была похожа на бочку, а руки, толстые, как стволы молодых деревьев, заканчивались огромными ладонями, покрытыми шрамами и мозолями. На левой щеке, от виска до подбородка, тянулась черная татуировка в виде разорванной цепи. За спиной у него висел боевой топор с широким, почерневшим от крови лезвием, а на поясе болтались два тяжелых мешка с провиантом. За Золоком в храм ввалились его люди — те, кто выжил. Они несли мешки с мукой и вяленым мясом. Но их было меньше, чем ушло. Шестеро не вернулись. Генералы, словно почуяв добычу, окружили Золока у центральной колонны. Золок сбросил мешки на каменный пол с глухим ударом. Пыль взметнулась вверх. — Еда, — прорычал он. Его голос был низким и хриплым, словно камни, перекатывающиеся в бочке. — Хватит дня на четыре, если экономить. Ирен первым шагнул вперед, его бельмо на глазу казалось еще белее в тусклом свете. — Где остальные? — спросил он, кивая на пустые места в строю. — Ушло пятнадцать. Вернулось девять. Золок медленно повернул голову. Его маленькие, глубоко посаженные глаза блеснули в полумраке. — Мертвы, — отрезал он. — Как мертвы? — не отставал Марен, его тихий голос был опаснее крика. — Врагов было не много. Золок

тяжело вздохнул, и его широкая грудь вздымилась. Он провел огромной ладонью по лицу, стирая грязь и пот. — Часовых было больше, чем мы думали, — сказал он медленно. — И они не спали, а ждали нас. Вокруг повисла тишина. Даже солдаты у костров перестали шевелиться. — Засада? — спросил Маркус, опираясь на свой посох. Старый генерал смотрел на Золока с пониманием. Золок кивнул. — Ферийцы знали о мельнице и специально оставили там патруль. Когда мы подошли, они выскочили из-за угла. Мои ребята не растерялись. Торн первым врезался в них. — Кто погиб? — спросил Марен Несс, доставая из-за пояса небольшой нож и начиная методично чистить им ногти. Золок перечислил имена, и с каждым именем лица генералов становились все мрачнее. — Кайл, — кивнул Ирен. — Хороший был лучник. Жаль. — А Томас? — спросил Маркус. — Он ведь был женат. Осталась дочь. Золок сжал кулаки так, что костяшки побелели. — Томас погиб последним, — сказал он, и в его голосе прозвучала эмоция — глухая, сдерживаемая ярость. — Он прикрывал отход. Ферийцы окружили его. Он дрался одним ножом, после того как сломал меч. Убил троих, прежде чем они его прикончили. Умирал стоя, прислонившись спиной к стене мельницы. Арен отвернулся, сглотнув ком в горле. Маркус закрыл глаза и тихо прошептал молитву. — Думается мне, что они давно знают, где мы. Но чего они ждут? — задумчиво спросил Арен. Все повернулись к советнику. Он

стоял в стороне, все такой же неподвижный и спокойный, но его серые глаза внимательно изучали лицо Золока.— Храм огромен и не удивительно, что нас нашли. — сказал Лу Кри ровным тоном. — Ты Арен, задаешь правильные вопросы, чего они ждут? Патруль сменяется через два часа? Нужно расспросить у ребят как часто по тем путям ходят люди. — Вы точно не привели врагов? Может быть они знают, в каком районе мы прячемся, но где именно нет? Поэтому и выставили обоз, чтобы проследить? — прошептал Ирен, и в его голосе прозвучал азарт от предстоящей битвы. Золок покачал головой.— Нет. Мы уходили по камням, через ручей. Стерли следы. За нами никто не шел точно, а Храм заброшен, о нем помнят только паломники. Принц, который незаметно спустился из своей кельи и стоял в тени колонны, вдруг вышел на свет. Его лицо было бледным, но глаза горели безумным огнем.— Этот черт на моем троне нашел нас?! — спросил он, и его голос эхом отразился от каменных сводов. — Пусть приходит! У нас есть люди! Мы перебьем их всех! Генералы посмотрели на него. В их взглядах не было ни уважения, ни веры. Только усталое терпение.— Мы не можем драться, мой принц, — спокойно сказал Маркус. — Пока нас слишком мало и чудо, что на нас еще не напали.— Вы должны выжить, — сказал принцу Лу Кри, и в его голосе прозвучала сталь. — Это единственное, что вы должны делать прямо сейчас. Остальное сделаем мы. Брон открыл рот, чтобы возразить, но посмотрел на

лица генералов. На огромного Золока, сжимающего рукоять топора. На братьев Несс, чьи лица были непроницаемы. На старого Маркуса, в глазах которого читалась бесконечная усталость. На молодого Арена, который смотрел куда-то в сторону, избегая его взгляда. И на Лу Кри. Советник смотрел на него своими серыми, холодными глазами, и в этом взгляде Брон прочитал то, что боялся увидеть больше всего. Безразличие. Лу Кри не боялся его и не уважал. Он просто использовал его как инструмент. Как фигуру на шахматной доске. Брон задрожал. Гнев, который кипел в нем после кошмара, вдруг сменился леденящим ужасом. — Делайте, что хотите, — прошептал он и отступил назад, в тень колонны. — Только только не дайте им убить меня. Он развернулся и почти побежал к лестнице, ведущей в его подземную келью. Генералы смотрели ему вслед. Никто ничего не сказал. — Распределите еду, — наконец сказал советник, отводя взгляд от темного проема лестницы. — По ровному пайку. И удвойте караул у ворот. Ферийцы действительно могут знать где мы. Золок кивнул и начал отдавать приказания своим людям. Генералы разошлись по залу, каждый к своему отряду. А Лу Кри остался стоять у центральной колонны, глядя на три круглых окна-розетки в форме лунных серпов. Они знают, что мы здесь, — подумал он. — Вопрос только во времени. Советник сжал руки в рукавах своего серого кафтана. Времени, которого у нас нет. Солдаты поели, и вяленое мясо с сухари, они вернуло

им силы. До самого вечера в главном зале храма стоял глухой, ритмичный стук тренировочных деревянных мечей и лязг заточиваемой стали. Люди ждали приказов, вестей, ждали того момента, когда им наконец позволят перестать прятаться. На следующее утро, когда принц все еще спал в своей сырой подземной келье, генералы Маркус и Арен покинули храм. Они вышли на разведку, оставив братьев Несс и Золока командовать утренними смотрами. Мир за пределами скалы был мертв. Перед ними расстилалась бесплодная, выжженная пустыня. Когда-то здесь протекали полноводные реки, питавшие долину, но теперь их русла представляли собой лишь глубокие, потрескавшиеся каньоны из серой глины. Лишь на самом дне, в тени огромных валунов, сохранились мелкие, мутные ручьи, которые лениво сочились из-под земли, словно последние капли крови умирающего зверя. Вокруг лежали острые камни и мелкий, колючий песок. Редкие, скрюченные кустарники давно сбросили листву, превратившись в сухие, ломкие скелеты. Природа здесь медленно, но неотвратимо умирала, высасываемая ветрами и палящим солнцем. Но ни Маркус, ни Арен не смотрели на эту пустошь с отчаянием. Они оба были людьми суровыми, закаленными в боях, и их вера была крепче камня, из которого был вырублен их храм. Они знали, что пока стоит святилище Великой, пока ее дух хранит эти скалы, сама богиня укроет их от врага и даст им шанс. Они шли молча, привычно сканируя

горизонт. Арен держался чуть впереди, его рука покоилась на рукояти меча, взгляд был холодным и сосредоточенным. Маркус следовал за ним, опираясь на свой посох, его лицо было неподвижным, как маска, высеченная из гранита. — Они смотрят на него, — наконец произнес Арен. Его голос был низким, ровным, без капли юношеского задора. — Когда Лу Кри раздает пайки и отдает приказы. Когда Брон спускается к ним, они отводят глаза. Маркус медленно кивнул, не сбавляя шага. — Я вижу это, Арен. — Армия идет за советником, — продолжил молодой генерал, и в его словах не было ни возмущения, ни бунта, лишь констатация факта. — Лу Кри кормит их и думает за них. Он хитер, расчетлив и не боится пачкать руки. Солдаты чувствуют это. Они готовы идти за ним в огонь. — Потому что советник дает им единственное, что нужно армии в нашем положении, — спокойно ответил Маркус. — Уверенность. Брон дает им корону, но корона не греет в холодную ночь и не наполняет желудок. Лу Кри дает им план. — Но он не король, — тихо сказал Арен, глядя на пересохшее русло реки у их ног. — И если мы позволим этому зайти слишком далеко, разве мы не предадим клятву? Маркус остановился и повернулся к молодому генералу. В его старых, мудрых глазах не было осуждения. — Мы не предаем клятву, мальчик. Мы служим Лифии. Брон — это знамя. Без знамени мы просто мятежники, и наемники с севера не пойдут за нами. Но знамя не ведет армию. Армию ведет разум. Лу Кри это

понимает. Брон — нет. Поэтому мы тащим принца на своих плечах, пока он нужен, а за советником идем мы сами. Это война. Арен кивнул, принимая эти слова. Он уважал Лу. Советник был холодным инструментом, но именно таким инструментом сейчас нужно было бить врага. Ветер стих, и в тишине стало слышно лишь тихое журчание маленького ручья где-то в расщелине камней. Маркус посмотрел на Арена, и в его суровом взгляде мелькнуло тепло. — Ты хорошо рассуждаешь, Арен, — сказал старик. — Год назад ты бы уже кричал о чести и бросился бы с мечом на ферийцев, лишь бы доказать свою правоту. Арен слабо, почти незаметно улыбнулся уголками губ. — Ты выбил из меня эту дурь, Маркус. Помнишь? — Как не помнить, — фыркнул старый генерал, и в его голосе прозвучали отцовские нотки. — Я заставил тебя стоять в строю под палящим солнцем с полным вооружением. Ты простоял четыре часа, пока не упал в обморок. — А когда я очнулся, ты сказал мне, что горячий клинок ломается от первого же удара, — тихо произнес Арен. — Ты заставил меня ковать свой характер, как кузнец кует сталь. — Ты был слишком резким, — кивнул Маркус, снова трогаясь с места. — У тебя был талант воина, но не было терпения стратега. — Ты научил меня держать удар, — серьезно сказал Арен, глядя прямо перед собой. — И научил не путать ярость с силой. Сейчас, когда я смотрю на Брона, я не злюсь. Я просто вижу слабое звено, которое нужно защищать, чтобы не рухнула

вся цепь. Маркус положил тяжелую руку на плечо молодого генерала.— Ты вырос. И стал настоящим командиром. Серьезным, холодным и верным. Именно таким, каким должен быть генерал Лифии в эти темные времена. Они постояли еще немного, вглядываясь в серую, мертвую даль. Пустыня молчала, храня свои тайны. Но где-то в глубине их сердец, под слоем пыли и усталости, теплилась вера. Великая богиня создала этот мир, и она не бросит своих детей.— Пойдем, — сказал Маркус, разворачиваясь к храму. — Нужно проверить караулы. И посмотреть, соизволил ли проснуться наш король. Арен кивнул, и они зашагали обратно к величественному порталу, вырубленному в скале. Два генерала, связанные узами, крепче крови, идущие по умирающей земле, чтобы защитить искру жизни, которая еще теплилась в их королевстве. В начале не было ничего, лишь холодная пустота и хаос. Но Она ступила в эту пустоту, и там, где касались ее босые ноги, расцветали сады. Она выдохнула жизнь в мертвую пыль, и мир ожил. Но ей хотелось создать место, которое стало бы ее сердцем, вечным домом. И она выбрала долину между трех рек, благословила ее своим именем и создала Лифию. Лифия не была просто страной. Это была священная земля, сотканная из божественного замысла. Здесь воздух был чище, воды — слаще, а камни хранили тепло ее рук. Но Великая не творила в одиночестве. Она была так прекрасна и так полна любви, что создала детей. Они были рождены из ее

дыхания и звездной пыли, наделены силой двигать горы и повелевать ветрами. И они безмерно любили свою Мать, как и любили людей — хрупких, смертных существ, которых Она создала по своему подобию. Звезды смотрели с небес, как маги помогают Великой обустроить Лифию. Они видели, как сыновья и дочери Богини пели песни, от которых из земли поднимались величественные горные хребты, защищающие долину, видели, как маги танцевали на берегах рек, заставляя воды течь в идеальных, извилистых руслах, питая плодородные земли. Они направляли рост древних лесов и умирляли диких зверей, чтобы те не трогали людей. А затем настал черед венца этого творения — Аэлории. Звезды до сих пор хранят в своем свете воспоминание о том дне, когда была заложена столица. Аэлория должна была стать центром божественного и прекрасного, местом, где небо встречается с землей. Маги, вкладывая в работу всю свою любовь, вырывали из недр земли белоснежный мрамор, который светился изнутри. Они вытягивали из лунного света золото для куполов и шпилей. Они создали Великую Библиотеку, вложив в ее стены эхо своих голосов, чтобы знания никогда не умерли, построили храмы с окнами-розетками в форме лунных серпов, чтобы свет Великой всегда проникал в самые темные уголки города. Аэлория была идеальна. Это был город, где не было места боли и люди жили в гармонии с магией и природой. Звезды радовались радовались не только великолепию мраморных башен или

магии, ткущей узоры в воздухе. Они радовались людям. Они смотрели, как смертные, столь недолговечные и слабые, смеются, любят, создают искусство и молятся в храмах. Звезды любили человечество той же всеобъемлющей, тихой любовью, какой любила их Мать. Ведь каждый человек, ребенок, рождающийся под их светом, нес в себе искру Великой Богини. Каждый вдох, удар сердца был эхом ее первого творения. Для звезд люди были самым драгоценным творением их Матери. Хрупким, несовершенным, но бесконечно прекрасным в своем стремлении к свету. И даже сейчас, спустя тысячелетия, глядя на то, как люди режут друг друга в окровавленных руинах, звезды не гаснут. Они продолжают посылать свой серебристый свет на израненную землю, помнят Аэлорию в ее золотом сиянии и помнят магов, поющих над реками. Они помнят Великую. И в своем вечном молчании они шепчут миру одну истину: вы созданы из света и любви. И даже если вы забыли это, даже если вы покрыли священные земли кровью, мы будем светить для вас. Потому что вы — дети нашей Матери. И мы будем ждать, пока вы снова не вспомните, как любить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.